(НЕ)ОТПУЩУ

Карен Верден

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Карен Верден

(Не)отпущу

«Автор»
2026

Верден К.

(Не)отпущу / К. Верден — «Автор», 2026

Лилит живёт по правилам, которые выжгли в ней дом и пансион: держи спину к стене, вскрывай упаковку сама, никому не говори, где болит. Единственное окно в её крепость — плющ под окном и парень, который лезет через него, не спрашивая разрешения.Ник — мотогонщик со шрамом, но не тот, кем кажется. Он не стучался. Он просто появился — ночью с сигаретой и правдой, от которой у неё перехватило дыхание.Но у этой правды есть цена. У чьей-то карьеры — репутация. У кого-то — чек с цифрой, за которую продают молчание.Роман о том, как двое людей с одинаковыми шрамами ломают друг о друга броню. И о том, что случается, когда между ними встаёт тайна, за которую уже заплатили.

© Верден К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5

Карен Верден
(Не)отпущу

Глава 1

Глава 1.

Дверь машины захлопнулась с тяжелым глухим щелчком. Отец даже стекло не опустил — просто развернулся через сплошную и втопил педаль в пол. Черный седан растворился за поворотом, оставив на гравии сизый шлейф выхлопа. Для него эта ссылка была наказанием. «У тебя одно условие: учиться без сбоев. Не позорь фамилию перед выборами». Ни взгляда в глаза, ни дежурного объятия. Сдал меня, как сдают бракованную деталь на склад временного хранения.

Я стояла на обочине, засунув руки в карманы безразмерного худи. Ветер пах не дорогим парфюмом из мраморных холлов, а сырой корой, печной гарью и прелой листвой. Плечи сами опустились вниз, сбрасывая каменный зажим. Наконец-то никаких шпилек, никаких вспышек камер и дежурных улыбок до ломоты в скулах.

Входная дверь была приоткрыта на пару дюймов — из щели аппетитно пахло корицей. Тетя вылетела на порог еще до того, как я занесла ногу на верхнюю ступеньку. Руки у нее были в муке, фартук криво завязан на талии. Она сгребла меня в охапку с такой силой, что у меня аж ребра хрустнули.

— Наконец-то! — выдохнула тетя прямо мне в капюшон. — Господи, наконец-то хоть одна живая душа в этом склепе. Дай посмотрю.

Она отстранилась, цепко впившись пальцами в мои плечи. Ее взгляд сразу зацепился за темные круги под моими глазами, за сжатые в нитку губы, но жалости в ней не было ни капли — только острое понимание.

— Роберт тебя все-таки выпихнул.

— Не выпихнул. Спрятал, — я бросила сумку на крашеный пол у вешалки. — Ему перед конгрессом нужна образцовая семья, а я в кадр не вписываюсь. Слишком много дергаюсь.

— Ну и к черту его кадры, — тетка махнула полотенцем в сторону кухни. — Снимай кроссовки. Чайник уже свистит.

На кухне на подоконнике сохла герань с пожелтевшими по краям листьями. Стол хранил следы от ножа и въевшиеся темные круги от горячих кружек. Никакого хрусталя, никакого полированного гранита, хотя все было современным— красота! Тетка грохнула передо мной жестяную банку с кривым печеньем. Шоколадные крошки на дне перекатывались от каждого движения. Я взяла одно, разломила. Тесто крошилось прямо мне на колени. Есть не стала, положила на место. С улицы, перекрывая шелест деревьев, внезапно ударил тяжелый, гулкий бас. Стекло в раме тонко звякнуло. Завибрировала чашка на столе.

— Начинается, — тетка даже головы не повернула, наливая кипяток.

— Что это?

— Центр. Два квартала вниз по холму. Там вся эта шваль круглосуточно трется: мажоры, гонщики, клубы, шмотки втридорога. Днем спят, к вечеру выползают делить территорию. Сюда только шум долетает. Здесь тихо. С одной стороны пенсионеры с газонокосилками, с другой — особняки тех, кто не светится в газетах. Публика пестрая. На любой вкус, если решишь вляпаться.

Я покачала головой, глядя, как пар поднимается от кипятка.

— Не решу. Наелась.

— Вот и отлично, — тетка вытерла руки о фартук и кивнула на потолок. — Пошли, покажу, куда твои кости бросить.

Ступени вели на второй этаж. Коридор пах старым лаком. Дом был красивым, но немного запущенным. Комната в конце оказалась почти пустой. Светлые стены, узкая кровать с плотным серым пледом, деревянный стол у окна и чистые полки. На подоконнике стояла пустая кружка из серой глины. Я подошла к окну и толкнула раму. В комнату ворвался холодный сквозняк, весело шевельнув тюль.

— Если захочешь перекрасить стены или выбросить кровать — говори сразу, — тетя прислонилась к косяку, скрестив руки на груди. — Деньги дам.

— С деньгами у меня проблем нет, — я достала из заднего кармана пластиковую карту и бросила ее на подоконник. Карта звонко щелкнула о дерево. — Отец щедрый, когда надо заткнуть мне рот. Лимита нет. Я пробовала спустить все в ноль — покупала шмотки ящиками, заказала тачку, которую даже из салона забирать не стала. Карточка не блокируется. Для него это просто плата за то, чтобы я не отсвечивала.

Тетка хмыкнула, разглядывая пластиковый прямоугольник:

— Клетка с золотыми прутьями.

— Зато открытая, — я села на матрас. Он скрипнул, пружины мягко просели под моим весом. — Можно я сегодня просто посижу здесь? Без разговоров, без распаковки.

— Сиди сколько влезет, — тетка потянула за ручку двери, прикрывая ее наполовину. — Колледж твой в двадцати минутах на автобусе. Или бери мой драндулет, если не боишься, что у него глушитель отвалится на светофоре.

— Отец пришлет завтра мою машину, не беспокойся. Но я хочу покататься на автобусе.

Я легла на спину, не снимая худи, закинула руки за голову и уставилась в побеленный потолок с мелкой сеткой трещин над люстрой. Внизу снова дрогнуло стекло от далекого баса, но здесь, в полумраке комнаты, до него мне не было никакого дела.

— Слушай, — я резко вскочила с матраса. — Я до магазина дойду. Чего-то хочется, а чего — сама не знаю. Тут же пара шагов за угол?

Тетя прищурилась, сканируя мое лицо тяжелым, цепким взглядом:

— Дойдешь. Только вместе со мной.

— Нет, — я отрезала жестче, чем планировала. — Мне надо одной. Ровно пять минут. Просто выйти на улицу и знать, что за спиной никто не караулит каждый вдох.

Тетя помолчала пару секунд, потом коротко мотнула головой:

— Десять минут, Лили. На одиннадцатой я выхожу тебя искать с монтировкой наперевес. Без обид. И если тебе нужны сигареты — так и скажи, я не буду тебя ругать.

— Спасибо, — я накинула куртку и выскользнула в коридор.

Она так и осталась стоять у перил, скрестив руки на груди. Взгляд настороженный, но без лишней опеки. Дверь за моей спиной щелкнула, отрезая домашнее тепло. Ночной воздух ударил в лицо сыростью и гарью. Под подошвами кроссовок сухо хрустел гравий. Магазин маячил ярким пятном прямо за поворотом — стеклянная витрина, гудящая неоновая вывеска, полусонная кассирша за стойкой, залипшая в экран мобильника. Я молча сгребла с полки жестяную банку с печеньем и пачку сигарет. Бросила на прилавок смятую купюру, не дожидаясь чека, прижала банку локтем к боку и толкнула плечом стеклянную дверь наружу.

И только закурив на выходе, сообразила, что тишина кончилась. Фонари здесь стояли через один, асфальт вздыбился корнями старых вязов. А из проулка справа тот самый тяжелый бас колотил по барабанным перепонкам уже не глухим эхом, а плотной вибрирующей стеной. В воздухе отчетливо пахло жженой резиной, пивом и чужой злостью. Граница между тихими домиками с геранью и дном этого городка проходила буквально по трещине на дороге. Я свернула в сторону дома, но сделать и двух шагов не успела. Из темноты проулка с глухим стуком вывалилось тело. Следом — три здоровых лба.

Классика: трое на одного. Тот, что повыше, вбил парня спиной в кирпичную кладку стены, держа за горло расстегнутой куртки. Второй с оттяжкой, коротко и методично всаживал кулак ему под дых, выбивая воздух. Третий стоял на стреме и ржал, сплевывая шелуху от семечек под ноги. Парень у стены даже не закрывался — только судорожно дергал подбородком, пытаясь достать ногой чужое колено. Мозги у меня отключились раньше, чем сработал инстинкт самосохранения. Сигарета и жестяная банка с грохотом полетели на асфальт. Пальцы сами нащупали на земле тяжелый обрезок ржавой водопроводной трубы.

— Эй, уроды! Отвалили! — мой голос сорвался, прозвучав визгливо и бешено.

Тот, что ржал, резко обернулся. Рожа опухшая, зрачки мутные. Он даже разбираться не стал — просто шагнул ко мне и с размаху толкнул ладонью в грудь. Удар отбросил меня на пару метров, спина с треском впечаталась в шершавый бетон забора. В глазах полыхнули белые искры, но трубу я из пальцев не выпустила. Наоборот — перехватила двумя руками, выставив перед собой, как биту.

— Сунешься ближе — башку раскрою, клянусь, сука!

Парень ухмыльнулся, собираясь сделать шаг, но тут из-за поворота улицу вспорол вой сирены. По стенам гаражей хлестнули красно-синие всполохи мигалок, вырывая из темноты облупленный кирпич и лужи.

— Сваливаем!

Троицу сдуло за полсекунды — растворились в проходных дворах быстрее бродячих псов. Вой сирены пронесся дальше по параллельной улице, оставив после себя оглушающую тишину. Я с грохотом уронила трубу на камни, чувствуя, как мелко трясутся колени, и бросилась к телу на асфальте. Парень хрипел, согнувшись на боку. Сплюнул темный сгусток крови, уперся дрожащими ладонями в землю, попытался подняться — и тут же рухнул обратно, глухо зарычав от боли сквозь зубы. Я рухнула на колени прямо в дорожную пыль. Ткнула краем рукава толстовки ему в рассеченный висок — плотная ткань мгновенно налилась темным липким пятном.

— Поднимайся, — выпалила я, сбиваясь на рваный шепот. — В больницу. Бегом.

Парень мотнул головой, зашипел от резкой боли и скривился так, будто его выворачивало наизнанку.

— Никаких больниц, — прохрипел он, сплевывая на гравий кровь. — Меня там каждая собака в лицо помнит. Сразу копы подтянутся, вопросы начнутся, а дальше… — он резко полоснул ладонью по воздуху, обрывая фразу. — Короче, нахер. Хуже сделаешь.

Я впилась в него взглядом. Фонарный свет падал косо, выхватывая из темноты острое, жесткое лицо: резкие желваки, намокшие от пота темные пряди и белесая полоса шрама, вспоровшая кожу от уголка губ почти до самого уха. Старый след, глубокий, навсегда.

— Тогда заткнись и ползи за мной, — отрезала я, не давая ему опомниться. — У тетки на кухне полная аптечка. Перекись, бинты, пластыри. Будто задницей чуяла, что я в первый же час найду, куда вляпаться.

Он выдавил короткий сухой смешок — хриплый, без грамма веселья:

— Ты либо психованная, либо дура.

— Второе, — я вцепилась ему в локоть. — Психованной стану, если ты сдохнешь у меня под забором. Вставай давай, хватит рассиживаться.

Он снова заскрежетал зубами, попытался опереться о кирпичную кладку, и я тут же вбила свое плечо ему подмышку. Парень навалился всем весом — тяжелый, как бетонная плита. От него пахло табаком, медью свежей крови и холодной уличной гарью.

— Доминик. Можно Ник, — выдохнул он через силу, будто каждая буква стоила ему ребра. — И нет, на свет я вылез в среду, шутить не советую.1[1]

[1] **Доминик** — мужское личное имя латинского происхождения. Оно происходит от слова **Dominicus**, которое, в свою

— Лилит, — фыркнула я, с трудом удерживая равновесие и подстраиваясь под его рваный, хромающий шаг. — И можешь расслабиться: демон во мне просыпается, только когда нет кофе.

Я втащила Ника на крыльцо буквально на зубах — плечо отваливалось, а его ботинки с глухим стуком пересчитывали деревянные ступени. Дверь распахнулась раньше, чем я успела дотянуться до ручки. Тетя застыла на пороге в полосатом махровом халате, с тяжелой монтировкой наперевес. Ее взгляд метнулся от взъерошенной, перепачканной пылью меня к повисшему на моем плече полуживому парню с разбитым в кашу лицом. Монтировка в ее пальцах дрогнула, но не опустилась.

— Мать честная… — выдохнула тетя, и в этом шепоте смешались ужас, злость и обреченность. — Лили, ты в городе ровно два часа. Два, черт подери, часа! Ты где его выкопала? На кладбище?

— Почти, — прохрипела я, чувствуя, как Ник опасно заваливается набок. — Тетя Марта, давай лекции на утро. Или мы его заносим, или он зальет тебе кровью весь коврик у входа.

Тетка шумно втянула воздух сквозь зубы, выругалась вполголоса — коротко и на удивление грязно, — но тут же шагнула вперед, перехватывая Ника со второй стороны. Вдвоем мы заволокли его в узкую прихожую.

— Наверх не потащим, шеи свернем, — скомандовала Марта, кивая на дверь в конце коридора первого этажа. — В гостевую. На старый диван. Я за аптечкой и полотенцами. И только попробуй сказать, что за вами хвост.

— Хвоста нет, копы спугнули, — бросила я, сгружая парня на продавленный велюр.

Диван натужно взвизгнул пружинами. Ник глухо застонал, откинул голову на валик и прикрыл глаза. В желтом свете настольной лампы его лицо выглядело еще паршивее: скула наливалась фиолетовым, бровь рассечена, а шрам казался воспаленным и багровым.

Марта вернулась через минуту, грохнула на журнальный столик жестяную коробку с красным крестом, пластиковый таз с теплой водой и чистую простыню.

— Обрабатывай сама, раз приволокла, — она поджала губы, смерив парня тяжелым взглядом. — Я гляну, что на кухне осталось. Если он сейчас здесь откинется, мне потом с шерифом до пенсии не расхлебать.

Когда дверь за ней закрылась, я опустилась на колени прямо перед диваном. Открыла пузырек с перекисью, щедро плеснула на ватный диск и без предупреждения прижала к рассеченному виску. Шипение белой пены смешалось с резким вдохом Ника. Его пальцы мгновенно впились в край дивана, костяшки побелели.

— Твою ж… Предупреждать надо, — прохрипел он, не открывая глаз.

— Потерпишь, не хрустальный, — огрызнулась я, но движения невольно сделала чуть мягче. Ватка за ваткой я стирала с его скул грязь, запекшуюся корку и дорожную пыль. — Ребра целы?

— Дышать больно. Но не хрустит. Жить буду.

— Жаль, а я уже придумывала, где тебя закопать.

Я наклеила пару пластырей, стянула края раны на брови и обтерла его ладони влажным полотенцем — сбитые в кровь костяшки говорили о том, что пары ударов он тем уродам все-таки отвесил. В комнату снова заглянула тетя, неся глубокую миску с дышащей паром тушеной картошкой, пирогом и большую кружку сладкого чая. Поставила на край стола, бросила короткое «не шумите» и ушла к себе, демонстративно щелкнув замком на втором этаже. Дверь за ней закрылась, оставив в воздухе тяжелый запах травяных капель и холодной веранды. Я пододвинула миску ближе к краю журнального столика и сунула парню в ладонь тяжелую ложку:

очередь, связано с фразой **dies dominicus** («день Господень», то есть воскресенье). **Основные значения имени:** «принадлежащий Господу»; «родившийся в воскресенье».

— Ешь. Но готовила не я, так что не могу гарантировать, что не отравишься.

Ник замер с ложкой на весу, приоткрыл один заплывший глаз и недоверчиво покосился сначала на исходящую паром картошку, потом на меня:

— Это что, шутка такая гостеприимная? Или ты меня добить решила, чтобы не мучился?

— Горький опыт, — сухо бросила я, даже не дрогнув лицом.

— Я ем только то, что приготовила собственными руками из закрытых пачек. А теткины кулинарные шедевры проверяй на себе. Да и пахнет яблоками, а у меня на них отек Квинке. Так что если там хоть кусочек яблока — я труп быстрее, чем ты от своих побоев.

Доминик пару секунд буравил меня тяжелым взглядом, пытаясь понять, блефую я или нет, а затем хрипло, коротко усмехнулся:

— Веселая у тебя семейка. Ладно, рискнем. От голода я сдохну с большей вероятностью, чем от твоей тетки.

Он зачерпнул полную ложку, поморщился, когда движение отозвалось в ребрах, но миску опустошил за пару минут, будто не ел дня три. Горячий чай допил одним долгим глотком, со стуком опустив кружку на стол.

— Живой? — я скептически вскинула бровь.

— Пока не скрутило, — выдохнул он, откидываясь на спинку дивана. В его голосе больше не было уличной спеси — только дикая, выматывающая усталость. — Спасибо. За все. Правда.

— Утром спасибо скажешь, если встать сможешь, — я развернула принесенный шерстяной плед и швырнула ему на ноги. — Спи. Моя комната прямо наверху, перекрытия тонкие. Надумаешь шарить по углам — услышу сразу. А брать тут все равно нечего, кроме моего дурного характера.

Ник коротко дернул уголком рта, и белесая полоса шрама на щеке натянулась в кривой усмешке:

— С твоим характером, Лилит, тебе и оружие не нужно.

Я фыркнула, щелкнула выключателем, погружая комнату в полумрак, и тихо прикрыла за собой дверь.

Около трех ночи жажда допекла меня окончательно. Горло саднило, а мысль о ледяной воде из крана пересилила лень. Я бесшумно выскользнула из-под теплого одеяла, натянула растянутые домашние штаны и на цыпочках начала спускаться по темной лестнице. На первом этаже царила мертвая тишина, которую вдруг вспорол глухой, сдавленный стон. Я замерла у перил, вслушиваясь. Звук повторился — прерывистый, мучительный, с хрипом на выдохе. Сердце кольнуло дурным предчувствием. Я толкнула дверь в гостевую. В нос сразу ударила тяжелая духота с привкусом железа и спертого жара. Ник разметал плед, бился головой о валик дивана и тяжело, судорожно хватал ртом воздух сквозь стиснутые зубы. Рубашка промокла насквозь и противно липла к его груди.

— Не надо… сука, уйди… — неразборчиво прохрипел он, слепо отмахиваясь от кого-то невидимого. — Я сказал, назад…

Я подошла вплотную и осторожно коснулась его лба тыльной стороной ладони. Кожа буквально пылала — не меньше тридцати девяти, воспаление пошло вразнос.

— Твою дивизию, Доминик, только сепсиса мне тут не хватало, — выругалась я себе под нос и метнулась на кухню.

Через минуту я уже несла обратно глубокую миску с ледяной водой и стопку вафельных полотенец. В аптечке нащупала ампулы с жаропонижающим, но колоть побоялась — черт его знает, какие у этого уличного бойца скрытые болячки и реакции. Пришлось спасать дедовским методом. Я отжала ткань, сложила в несколько слоев и опустила ему на пылающий лоб. Ник дернулся, глухо зарычал и попытался сбросить компресс, но я намертво перехватила его горячее запястье с бешеным, скачущим пульсом.

— Тихо. Лежи, кому говорю. Это я.

Он что-то невнятно забормотал, слова путались, срывались на свистящий шепот: то звал кого-то по имени, то снова сжимал кулаки, порываясь драться с тенями на потолке. Я методично меняла полотенца, обтирала ему шею, пылающие виски и сбитые ключицы, смачивала потрескавшиеся губы водой. Счет времени потерялся напрочь. За окном шелестел мелкий ночной дождь, мерно стучали старые ходики на стене. Ника то колотило крупной дрожью, то снова бросало в дикий жар. Я устроилась на самом краешке дивана, подогнув под себя одну ногу, и каждые десять минут терпеливо опускала полотенце в стылую воду. Ближе к пяти утра его дыхание наконец выровнялось, метания прекратились, а горячечный румянец сменился сонной бледностью. Глаза слипались сами собой, сил не осталось вовсе. Я привалилась к спинке дивана, пообещав себе прикрыть веки буквально «на пару минут», и провалилась в тяжелую, вязкую темноту.

Проснулась я от непривычного ощущения духоты и непонятной тяжести. Кто-то крепко, нагло и совершенно по-хозяйски прижимал меня к себе. Я распахнула глаза и первые пару секунд вообще не соображала, где нахожусь: моя голова покоилась на чужом плече, а поперек талии лежала тяжелая рука Ника. Он притянул меня вплотную, будто большую плюшевую подушку, уткнулся носом мне в макушку и мерно посапывал. От него все еще шло ощутимое тепло, но удушающего жара уже не было — обычный, живой человек. Я моргнула, собираясь аккуратно вывернуться из этой железной хватки и от души врезать ему под дых для профилактики, как вдруг дверь распахнулась без малейшего стука. На пороге нарисовалась тетя Марта. В том же домашнем халате и с огромной кружкой кофе.

Она замерла, окинула взглядом таз с мутной водой на полу, груду мокрых полотенец, вскрытую пачку парацетамола на тумбе и живописную композицию из нас двоих на диване. Ее бровь медленно поползла вверх — с убийственной, красноречивой выразительностью. Ник зашевелился, глухо простонал спросонья и сгреб меня еще крепче, буквально вжимая в свои ребра.

– Лапу убрал, – процедила я ему в шею, стараясь не шевелиться. – Живо. Пока пальцы не переломала.

Он вздрогнул и распахнул ошалевшие, мутные со сна глаза. Взгляд метнулся от моего лица к своей руке на моей талии, а затем — к Марте в дверях. Руку сдуло за долю секунды, будто диван под нами вспыхнул. Ник шарахнулся к спинке, с глухим стуком приложился затылком о деревянную накладку, зашипел от боли и схватился за ушибленное место.

– Блять…

– Доброе утро, молодежь, – невозмутимо выдала Марта, отхлебнув из кружки. – Гляжу, палата интенсивной терапии перешла в фазу реабилитации.

Я спустила босые ноги на ледяной пол. Спина затекла так, будто по мне всю ночь катался асфальтоукладчик, а шея наотрез отказывалась поворачиваться влево. Кряхтя про себя, я нагнулась и подняла миску, в которой сиротливо плавала серая от пота тряпка.

– У него ночью под сорок было, – хрипло пояснила я, оправдывая весь этот бардак. – Бредил, рвался куда-то воевать. Пришлось остужать, чтоб копыта не двинул прямо на твоем любимом ковре.

Марта неторопливо подошла ближе, пристроила свою кружку на подоконник и с хозяйской бесцеремонностью припечатала ладонь к шее Ника. Тот дернулся, как ошпаренный, но она вцепилась намертво — от нее так просто не сбежишь.

– Жар спал. Пульс частит, но жить будет, – вынесла вердикт она. – Рубашку сними, она мокрая до нитки, закину в стирку.

Ник сидел взъерошенный, серый, с огромными темными кругами под глазами. Но его взгляд больше не плыл — он мгновенно собрался, стал цепким и до предела настороженным. Морщась от боли в ребрах, парень стянул через голову прилипшую к спине ткань. Зрелище открылось так себе: на боку наливался темно-бордовый кровоподтек размером с кулак, а на

плече чернела старая рваная ссадина. Марта только выразительно цокнула языком и метнула в него сухое полотенце прямо из шкафа:

– Чистые футболки на стуле, остались от сына. В холодильнике еда. Через пятнадцать минут жду обоих за столом. И только попробуй свалить в таком виде, герой, – она ткнула пальцем прямо ему в нос. – Пойдешь на улицу — рухнешь на первом перекрестке, а мне потом отвечай перед полицией, чей труп под забором лежит. Сидишь здесь до завтра. Понял?

Челюсти у Ника сжались до желваков. Я прямо видела, как в нем закипает привычное желание огрызнуться и встать в позу. Он вскинул глаза на меня. А я так и стояла столбом посреди комнаты — с тазом в руках, с растрепанным вороньим гнездом на голове, с отпечатавшимся на щеке рубчиком от диванной подушки — и молча буравила его тяжелым взглядом, в котором читалось: «Только вякни, и я сама тебя придушу». Он шумно выдохнул через нос, признавая поражение:

– Понял.

– Вот и славно, – удовлетворенно кивнула Марта и поплыла к выходу. – Лили, поставь чайник по новой, этот остыл.

Дверь тихо щелкнула. В комнате повисла тяжелая, густая тишина. Ник торопливо натянул чужую серую футболку. В плечах она натянулась почти по швам, но налезла. Он опустил ступни на пол, судорожно вцепившись пальцами в край матраса и пытаясь поймать баланс. Голова у него явно шла кругом: парень крепко зажмурился, пережидая мутную волну слабости.

– Спасибо, – бросил он глухо, упрямо глядя в пол. Коротко, сухо — словно кость поперек горла встала, и он ее с трудом выплюнул.

– Не за что, – я поудобнее перехватила миску с грязной водой и толкнула дверь плечом. – Было бы обидно, если бы ты сдох до того, как объяснишь, за что тебя хотели убить.

Кухня встретила нас запахом остывшего травяного чая и утренней прохладой, тянущей от приоткрытой форточки. Ник ступал тяжело, все еще придерживая левый бок, но в футболке сына Марты уже не выглядел ходячим трупом — скорее просто очень злым и помятым бойцом. Я распахнула дверцу холодильника, окинула взглядом полки и кивнула на них:

— Выбирай сам, что будешь.

— Да мне без разницы, — буркнул он, подходя ближе. — Хоть гвозди.

— Вот и ковыряйся сам, я в официантки не нанималась.

Ник церемониться не стал. Без малейшего стеснения отодвинул меня, залез внутрь чуть ли не по пояс и выгреб контейнер с остатками вчерашней картошки, кусок ветчины и сыр. Я же достала пластиковый контейнер с клубникой, банан и запечатанный греческий йогурт с неповрежденной фольгой под крышкой. Нож глухо стучал по деревянной доске, нарезая фрукты. Когда я уже срывала фольгу, чтобы заправить салат, перед моим носом на столешницу с глухим стуком опустилась дымящаяся керамическая кружка. Я замерла. Подняла взгляд на Ника, вскинув бровь:

— Это что за жест доброй воли?

— Кофе, — он пожал одним здоровым плечом, не отрываясь от нарезки ветчины. — Держи допинг. А то снова начнешь рычать на людей. Решил перестраховаться, пока ты меня этим ножом не прирезала.

Секунду я смотрела на темную пенку, в которой плавала крошечная крупинка сахара. Сердце кольнуло старым, въевшимся под кожу холодом реанимационных ламп. Пальцы сами потянулись к ручке, я взяла кружку и одним плавным, не колеблясь, движением выплеснула темную жижу в раковину. Металл зашипел, смывая струей горячий пар. Ник даже жевать перестал. Застыл с бутербродом у рта, наблюдая за мной с немым вопросом в темных глазах.

— Я не пью то, что приготовили без меня, — сухо отрезала я, доставая новую герметичную кофейную капсулу и щелкая крышкой кофемашины. Аппарат натужно загудел, наполняя угол кухни густым ароматом арабики. Я обернулась и добавила чуть тише: — Но… спасибо.

Он только коротко хмыкнул, пожал плечами без тени обиды и впился зубами в хлеб:

— Дикая ты, Лилит.

Мы сели за круглый стол друг напротив друга. Ник устроился ко мне здоровой стороной — профиль казался резким, хищным, а багровый шрам остался скрыт в тени его наклоненной головы.

— И кто тебя так разукрасил? — спросила я, зачерпывая ложкой йогурт с клубникой.

— Местные предприниматели, — сухо бросил он, даже не поднимая глаз от тарелки. — Передел сфер влияния. Не сошлись характерами и взглядами на чужую собственность.

Дверь тихо скрипнула, и на пороге появилась тетя Марта. Халат она уже сменила на свободный вязаный кардиган, а волосы собрала в небрежный узел на затылке. Окинула нас двоих оценивающим взглядом шерифа на пенсии, пододвинула стул и села во главе стола.

— Какие планы на сегодня, Лили? Куда лыжи навострила? — спросила она, подпирая щеку ладонью.

После вчерашней дороги и всего пережитого дерьма защитная броня сработала быстрее, чем включился мозг.

— Не твое дело, — огрызнулась я на автомате.

Марта даже бровью не повела. Только прищурилась с легкой, убийственно спокойной усмешкой:

— Я, конечно, не буду в сотый раз напоминать, чьи половицы ты сейчас топчешь. Но мягко напомню, деточка, что я твоя тетя. Пусть не по крови, но по совести и по факту. И за такой тон могу и тряпкой по губам съездить.

В груди мгновенно обожгло стыдом. Я шумно выдохнула, встала со стула, подошла к ней со спины и уткнулась носом в мягкое плечо, пахнущее сухой лавандой:

— Прости. Вырвалось по привычке. Я не хотела.

Марта накрыла мои ладони своей сухой, теплой рукой и тихо хмыкнула:

— Ладно, проехали. Грубить и портить мне нервы в этом доме официально разрешено только одному человеку — моему неблагодарному сыну.

Я вскинула голову, и внутри впервые за эти дни по-настоящему потеплело:

— Самуэль! А он где вообще? Я же сто лет его не видела, соскучилась безумно!

— Съехал твой Самуэль, — закатила глаза Марта, махнув рукой куда-то в сторону центра города. — Слишком взрослый, деловой и пафосный стал, чтобы с матерью ютиться. Но про твой приезд знает, звонил вчера, обещал сегодня заскочить. И, кстати, упаси тебя бог назвать его Самуэлем — теперь он у нас важная птица, просто «Сэм».

Ник, который в этот момент как раз делал глоток воды, резко поперхнулся. Закашлялся так, что схватился за ребра, глухо зашипев от боли, и с грохотом опустил стакан на стол.

— Самуэль?.. — прохрипел он, впиваясь ошалелым взглядом в Марту. — Ваш сын?!

Марта перевела на него невозмутимый взор:

— Ну да. Рожала, воспитывала, на свою голову. А вы что, знакомы?

Ник нервно дернул уголком рта, и его лицо на миг превратилось в каменную маску:

— И как… как у такой чудесной женщины мог вырасти такой г… сынок?

— Да не стесняйся в выражениях, говори прямо — говнюк, — с невозмутимым спокойствием парировала Марта, даже не моргнув. — Вот как-то так и вырос. Упустила в пубертате. Так откуда вы друг друга знаете?

Ник медленно откинулся на спинку стула, повернулся ко мне той самой стороной, где темнел воспаленный рассеченный висок, и криво, ядовито усмехнулся:

— Да собственно… по его личному приказу меня вчера и отделали до полусмерти.

В кухне повисла звенящая, тяжелая тишина. Лишь мерно капала вода в раковине.

Марта замерла. Ее глаза медленно расширились, губы сжались в тонкую белую полоску, а цепкий взгляд буквально впился в парня напротив:

— Так ты… тот самый Доминик?

Я переводила ошарашенный взгляд с тетки на парня и обратно. В голове со звоном рушились последние логические цепочки.

— Какой еще «тот самый»?! — не выдержала я, с грохотом бросив ложку в тарелку. — Вы оба издеваетесь? Что здесь вообще происходит?!

Марта не ответила. Она лишь многозначительно поджала губы, скрестила руки на груди и молча кивнула в сторону парня, предоставляя Нику сомнительное удовольствие выложить всю правду самому. Ответа я так и не дождалась: в коридоре с грохотом распахнулась входная дверь, следом раздались уверенные, гулкие шаги.

— Где эта самая чудесная на свете демоница?! — долетел до кухни бархатный, до боли знакомый голос.

Секунда — и на пороге появился он. Твою же налево, время его только украсило! Чертовски красивый блондин с идеальной небрежной укладкой, в безупречном темном бомбере и с белозубой голливудской улыбкой. Самуэль. На долю мгновения он замер на пороге, с глухим стуком поставил оранжевую жестяную банку сока на угол столешницы и в два широких шага сократил расстояние между нами.

— Лили! Боже, я так скучал, моя Лилит!

Он буквально сгреб меня в охапку, оторвал от пола, легко покружил в воздухе и звонко поцеловал в щеку. От него пахло дорогим парфюмом, кожей и холодным ветром — контраст с запахом перекиси и железа был просто дикий.

Сэм аккуратно поставил меня на ноги, еще секунду довольно улыбался… а потом скосил глаза на стол. И улыбка сползла с его лица, сменившись бешеным оскалом.

— Ты-ы-ы?! — воздух в кухне с треском наэлектризовался. — Ты какого хрена тут делаешь, урод?!

Ник даже не вздрогнул. Наоборот, неторопливо дожевал тост, оперся здоровым локтем о столешницу и протянул с такой издевательской ленцой, что у любого бы планка упала:

— Да вот… сижу. Ем. Болтаю с твоей чудесной мамой, друг.

— Я те щас покажу «друг», мразь недобитая! — рявкнул Сэм и рванул вперед с побелевшими костяшками.

Они готовы были вцепиться друг другу в глотки прямо на кухне. Но инстинкт самосохранения этого дома включился быстрее: я пулей вклинилась прямо между ними. Разница в росте была приличная — оба возвышались надо мной на добрую голову, если не больше, но я уперлась ладонями в каменную грудь Сэма и зло сверкнула глазами на Ника.

— А ну стоять! — прикрикнула я так, что ложки в подставке звякнули. — Ваши разборки, прошлую дружбу и взаимную ненависть оставляете за порогом! Здесь — нейтральная территория и зона перемирия. Понятно?!

Они переглянулись поверх моей макушки и рявкнули абсолютно синхронно, в один голос:

— Лили, ты знаешь, какой он му…?!

— Плевать! — отрезала я. — Хоть святые, хоть конченые — мордобоя на этой кухне не будет!

Сэм шумно втянул носом воздух, собираясь продолжить войну аргументов, но вдруг его взгляд опустился ниже моей головы. Он уставился на грудь Ника, и его брови взлетели вверх:

— Слышь… Это что, моя футболка?! Снимай. Быстро. Снимай это дерьмо, не смей пачкать мои вещи своим гнилым телом!

Ник ядовито усмехнулся. Без малейших колебаний, даже не поморщившись от боли в ребрах, он ухватился за подол, сдернул с себя серую ткань одним плавным движением и смачно швырнул ее прямо в лицо блондину. И вот тут воздух в моих легких предательски закончился. Я просто зависла, начисто забыв, как дышать. Потому что… боже правый, он был потрясаю-

щим. Никакой раздутой стероидной массы, только сухое, рельефное тело. Литые плечи, четкие линии косых мышц живота, мощная грудь, за которой явно стояли годы не банальной качалки, а жесткого, изматывающего спорта — скорее всего, единоборств. Даже сеть свежих багровых ссадин и фиолетовых кровоподтеков не портила эту чертову картину, а лишь добавляла опасного шарма.

Мой взгляд откровенно прилип к его кубикам пресса. Секунда молчания затянулась до неприличия. Ник это заметил. Уголок его разбитых губ медленно пополз вверх в самодовольной, наглой усмешке. Он наклонился чуть вперед и ощутимо, дразняще щелкнул меня пальцем по кончику носа:

— Эй, мышка. Смотри, слюнями не захлебнись.

Краска мгновенно залила мне щеки и шею до самых корней волос. Позор какой!

Сэм яростно фыркнул, скомкал футболку в кулаке и зло бросил:

— Урод. Я сейчас вернусь, — и быстрым шагом вылетел из кухни, видимо, чтобы не прибить гостя прямо при матери.

В горле пересохло так, словно я неделю брела по пустыне, а сердце колотилось где-то в районе ушей. Нужно было срочно промочить связки и сделать вид, что я абсолютно невозмутима. Взгляд метнулся по столу и зацепился за ту самую прохладную оранжевую жестяную банку, которую пару минут назад принес Сэм.